

Формирование доктринальных представлений о персонализации правовых норм в рамках юридической науки

Е. Р. Абызова

кандидат юридических наук, доцент,
судья Арбитражного суда г. Москвы.
Адрес: Арбитражный суд г. Москвы,
115225, Москва, ул. Большая Тульская, д. 17.
E-mail: barnaul2525@mail.ee

Formation of Doctrinal Ideas about the Personalization of Legal Norms in the Framework of Legal Science

E. R. Abyzova

PhD in Law, Associate Professor,
Judge of the Arbitration Court of Moscow.
Address: Arbitration Court of Moscow,
17 Bolshaya Tulsкая Str., Moscow, 115225, Russian Federation.
E-mail: barnaul2525@mail.ee

Поступила 17.12.2025 Принята к печати 25.12.2025

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного осмысления теоретической и практической значимости вопросов, связанных с формированием доктринальных представлений о персонализации правовых норм в рамках юридической науки. Целью настоящей работы является установление взаимосвязи правовой доктрины с юридической наукой, теорией и концепцией на основе интеграции методов познания, с использованием современных информационных технологий в части правопонимания категории персонализации права. Достижение обозначенной цели предусматривало решение следующих задач: а) исследовать понятие юридической доктрины в работах отечественных и зарубежных ученых; б) изучить регуляторные возможности юридической доктрины и ее влияние на становление и развитие концепции персонализированного права через достижения современных научно-теоретических построений в отечественном праве; в) определить роль правовых принципов и обычаев в механизме правового регулирования общественных отношений с точки зрения индивидуализации и персонализации права. Научная новизна работы заключается в исследовании проблемы реализации юридической доктрины (особенно прав и свобод человека и гражданина) в свете будущего развития концепции персонализированного права. Выделены перспективные направления дальнейшего развития персонализированного права в части а) взаимосвязи цифровизации и «умного» права с акцентом на реабилитацию и ресоциализацию личности в правоприменении, б) учета культурных и социальных особенностей, современных информационных технологий при разработке его в качестве регуляторов общественных отношений.

Ключевые слова: право; персонализация права; правовое регулирование; юридическая доктрина; классификация правовых доктрин; правовая наука, теория, концепция; соотношение доктрины с наукой, теорией, концепцией; трансформация права; информационные технологии.

Abstract

The relevance of the topic is determined by the need for scientific understanding of the theoretical and practical significance of issues related to the formation of doctrinal ideas about the personalization of legal norms within the framework of legal science. The purpose of this work is to establish the relationship of legal doctrine with legal science, theory and concept based on the integration of cognitive methods, using modern information technologies in terms of legal understanding of the category of personalization of law. The achievement of this goal provided for the solution of the following tasks: a) to explore the concept of legal doctrine in the works of domestic and foreign scientists; b) to study the regulatory possibilities of legal doctrine and its impact on the formation and development of the concept of personalized law through the achievements of modern scientific and theoretical constructions in domestic law; c) to determine the role of legal principles and customs in the mechanism of legal regulation of

public relations in terms of individualization and personalization of law. The scientific novelty of the work lies in the study of the problem of the implementation of legal doctrine (especially human and civil rights and freedoms) in the light of the future development of the concept of personalized law. The paper highlights promising areas for the further development of personalized law: a) the relationship between digitalization and "smart" law with an emphasis on rehabilitation and resocialization of the individual in law enforcement; b) consideration of cultural and social characteristics, modern information technologies when developing it as regulators of public relations.

Keywords: law; personalization of law; legal regulation; legal doctrine; classification of legal doctrines; legal science, theory, concept; correlation of doctrine with science, theory, concept; transformation of law; information technology.

В юридической науке происходит становление и развитие доктринальных воззрений, касающихся персонализации права. Этот процесс подразумевает формирование теоретических концепций и подходов к пониманию и применению правовых норм с учетом индивидуальных особенностей субъектов права. Разработка доктринальных основ персонализации права представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода и учета различных факторов, включая философские, социологические и психологические аспекты. В результате формируются научные представления о месте и роли индивида в правовой системе, определяются границы и формы реализации принципа персонализации в различных отраслях права.

Вопрос о персонализации права в юридической науке является многогранным и имеет глубокие исторические корни. Он затрагивает такие фундаментальные аспекты правопонимания, как соотношение права и личности, выявление ключевых факторов, влияющих на формирование доктрин о персонализации, и определение перспектив дальнейшего развития этих воззрений в современной юридической науке. Становление доктринальных воззрений о персонализации права можно проследить через различные этапы развития юридической мысли, от античности до современности.

В Античности зародились, в Средневековье развились идеи о справедливости и естественном праве. Хотя термин «персонализация права» в современном понимании не существовал в античности, уже тогда закладывались основы для его формирования. Идеи Платона и Аристотеля [1; 19. – С. 108–111, 219, 340; 20. – С. 201] о справедливости, благе и идеальном государстве, служении государства и права человеку можно рассматривать как предтечу персонализации. Стоики развили концепцию естественного права, основанного на разуме и универсальных законах природы. Они считали, что каждый человек обладает внутренней ценностью и достоинством, и право должно отражать эти принципы. Римские юристы, не-

смотря на свою прагматичность, уже тогда уделяли внимание вопросам справедливости и защиты прав индивидов.

В Средние века, с развитием христианской теологии, идеи о божественном праве и неотъемлемых правах человека, дарованных Богом, получили дальнейшее развитие. Фома Аквинский [16], например, интегрировал аристотелевские идеи в христианскую доктрину, ориентируя их на благо человека. Эпоха Просвещения сделала акцент на правах человека и индивидуальной свободе, став переломным моментом в становлении персонализации права. Идеи естественных прав, индивидуальной свободы и общественного договора получили широкое распространение и оказали огромное влияние на развитие правовой мысли.

Теория естественных прав (жизнь, свобода, собственность) Джон Локка [16] стала краеугольным камнем либеральной правовой мысли. Он утверждал, что государство создается для защиты этих прав, а не для их ограничения. Концепция общественного договора Жан-Жака Руссо (23; 24. – С. 117, 160) о том, что власть исходит от народа, а законы должны отражать общую волю, хотя и косвенно, также способствовала персонализации права. Идея автономии личности и категорического императива Иммануила Канта [10. – С. 205] – «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщей законодательницей» – подчеркивает важность разумного и морально обоснованного выбора индивида, что стало основой для персонализированного подхода к праву.

Именно в этот период начали формироваться представления о правах человека как о неотъемлемых, универсальных и защищаемых государством. Это стало прямым выражением персонализации права, где индивид, а не абстрактное государство или социальная группа, становится центральным элементом правовой системы.

В XIX в. получает развитие позитивизм и критика абсолютизации прав человека, сместившие акцент с естественного права на позитивное, т. е.

установленное государством право, что привело к некоторому отступлению от идей абсолютизации прав человека в их прежнем виде. Теория права как «приказа суверена» Джона Остина¹ в рамках парадигмы персонализации права сводилась к тому, насколько позитивное право учитывает и защищает интересы индивидов, но не выходила за рамки установленных норм.

Георг Еллинек, основатель теории несuverенных государств, хотя и был позитивистом, внес значительный вклад в понимание прав человека, разделив права на статусные (права индивида как члена государства) и индивидуальные (права индивида независимо от своего статуса) [6]. Это позволило более тонко анализировать взаимоотношения личности и государства в правовой сфере.

Марксистская теория, напротив, критиковавшая буржуазное понимание прав человека как абстрактных и формальных, считала, что подлинные права могут быть реализованы только в бесклассовом обществе, где преодолены эксплуатация и отчуждение. В этом контексте персонализация права понималась как обеспечение реальных, а не формальных прав трудящихся масс [9. – С.17–18].

В XX в. получают развитие концепции прав человека, гуманизации права и индивидуализации правоприменения, приведшие к глубокому переосмыслению роли права в защите личности. Концепция гуманизации права подчеркивала необходимость придания праву человеческого измерения, его ориентированности на благополучие и развитие личности. Согласно этой концепции, право должно быть справедливым и милосердным, учитывающим индивидуальные обстоятельства личности. Индивидуализация правоприменения означала, что при применении норм права необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, личность правонарушителя или субъекта права, его мотивы и цели, что проявилось в таких институтах, как дифференциация ответственности и индивидуализация наказания.

В последние десятилетия наблюдается интеграция различных дисциплин, таких как психология, социология и экономика, в правовую науку, что способствовало более глубокому пониманию роли личности в праве и необходимости персонализации правовых норм. С развитием цифровых технологий и интернета в XXI в. возникли новые

вызовы и возможности для персонализации права. Появление больших данных, искусственного интеллекта и онлайн-платформ изменило способы взаимодействия граждан с правовой системой. Это привело к необходимости адаптации правовых норм к новым условиям, а также к более индивидуализированному подходу в правоприменении, где учитываются уникальные обстоятельства каждого случая.

Таким образом, становление доктринальных воззрений о персонализации права, представляющих собой многогранный и динамичный процесс, отражает эволюцию правовой мысли и стремление к более гуманистическому подходу в праве, который учитывает интересы и права личности как центральный элемент правовой системы. Персонализация права подразумевает акцент на индивидуальных правах и свободах личности, а также на учете человеческого фактора в правоприменении и правотворчестве. Этот подход стал особенно актуален в XX и XXI вв., когда в обществе усилилось внимание к правам человека, гуманизму и социальной справедливости.

Понимание того, что такое доктрина, варьируется в разных источниках. Энциклопедические словари разных времен описывают ее как научную или философскую теорию, систематизированное учение, концепцию или основополагающий теоретический/политический принцип². В России понятие «доктрина» имеет юридическое значение и официально закреплено в указах Президента, которыми утверждены документы, называемые доктринами³. Анализ этих правовых актов позволяет понять, что доктрина – это структурированный набор официальных взглядов, определяющих политику государства, его стратегические цели и основные направления деятельности в конкретной области. Следовательно, доктрина, выступая в качестве своеобразной дорожной карты в российском правовом поле, является не просто теоретическим построением, а нормативно закрепленным

² Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1983; Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 3005; Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

¹ Матузов Н. И. Теория государства и права. – М. : Юрист, 2011.

инструментом государственного управления, служащим ориентиром для формирования и реализации политики в различных сферах, включая и такую критически важную область, как информационная безопасность.

В юридическом же сообществе устоялось понимание доктрины как специального юридического знания, способного нормировать профессиональное понимание юристами правовых явлений и оказывать воздействие на течение и результат юридических практик. Вместе с тем отечественными правоведами природа и влияние правовой доктрины изучены недостаточно. Исследователи-юристы активно рассматривают вопросы нормативного значения доктрины, но уделяют мало внимания тому, как она применяется на практике.

В качестве совокупности юридико-научных интерпретаций и суждений о позитивном праве, составляющих его догматическую основу, концептуализирует правовую доктрину В. С. Нерсисянц¹. Исследование юридической доктрины, с его точки зрения, позволяет идентифицировать две ее фундаментальные функции: одна из них представлена теоретическим базисом для законодательного процесса, а другая состоит в функционировании ее как источника права, реализуемого в рамках правоприменительной деятельности.

Ценность юридической доктрины, согласно А. И. Демидову, обусловлена ее способностью генерировать концептуальные положения, выступающие в качестве стратегических ориентиров для эволюции правовой системы, способствующих нивелированию многочисленных препятствий на пути к юридическому прогрессу [5. – С. 14]. В данном контексте сущность доктрины заключается в обобщении казуистического правового материала, характеризующегося детализацией признаков, приближенных к фактическим обстоятельствам дела. Роль казуального подхода в реализации концепции персонализированного права через трансформацию традиционной модели правового регулирования отмечает Н. Ф. Порываева. [22. – С. 93].

В качестве продукта профессиональной научной деятельности юридическую доктрину рассматривают Д. А. Полянский и Р. В. Пузиков, характеризуя ее так: «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в

переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов.» [21. – С. 328–337]. По их мнению, она выступает в качестве концентрированного выражения нового научного мировоззрения в праве, своеобразного катализатора для формирования новых отраслей, институтов и норм права, способствующих разработке новых юридических конструкций, понятий и инструментов и предвосхищающих грядущие перемены.

Исследование, проведенное О. А. Латыниным, позволяет рассматривать юридическую доктрину в одном случае как комплексный правовой феномен, относящийся равно как к сфере правосознания, так и к позитивному праву, в другом – в качестве совокупности идей о праве, которые признаются государством или юридической практикой благодаря их авторитету и общепризнанности [13. – С.44-49]. При этом автор уточняет, что регулятивный потенциал доктрин в российском праве обусловлен не столько их распространенностью или авторитетом научного сообщества, сколько степенью их воздействия на индивидуальное правосознание лиц, принимающих ключевые государственные решения.

Наиболее полное представление о правовой доктрине дает нам Е. О. Мадаев, который трактует ее как достаточно независимый и многогранный компонент правопорядка страны. Он описывает ее как систему авторитетных и научно подтвержденных взглядов и концепций, тесно связанных с иными элементами юридической практики и правовой системы. [15. – С. 54, 61–62]. Этот исследователь выделяет несколько основных свойств доктрины: научную обоснованность, признанный авторитет, практическую и научно-прикладную значимость, а также способность оказывать регулирующее воздействие. Среди дополнительных, или необязательных, черт доктрины ученый отмечает формальную четкость, предсказательную силу, широкий охват, декларативный характер и самодостаточность. Вместе с тем этот автор акцентирует внимание на том, что научная идея трансформируется в доктрину лишь при выполнении ряда условий: она должна опираться на одну из традиционных школ правопонимания, заслужить признание в профессиональной среде, получить общественную поддержку, быть усвоенной правоприменительной практикой и благодаря своему авторитету служить мерой общественного поведения.

¹ Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. – М. : Норма ; Инфра-М, 1999. – С.382.

Важное свойство юридической доктрины, выполняющей двойную функцию, отмечает Л. И. Петражицкий, по мнению которого она систематизирует и классифицирует существующие правовые модели, а также восполняет пробелы в действующем законодательстве. Поскольку в праве не должно быть неясности, доктрина не только описывает идеальные правовые конструкции, но и предлагает решения для ситуаций, не урегулированных законом. Таким образом, при наличии надежной методологии доктрина активно участвует в формировании права, предлагая новые правовые решения [18. – С. 22].

В российском праве достаточно близкими, но не тождественными доктрине являются понятия «юридическая наука», «правовая теория» и «концепция». В самом общем виде Т. Я. Хабриева характеризует доктрину как авторитетное мнение ученых, так и сложившиеся юридические конструкции, выраженные в форме принципов, теорий, концепций [27. – С. 23]. Если обратиться к юридической науке, то она, на наш взгляд, призвана разрабатывать концептуальные основы права как социального института, формировать новые правовые отрасли, институты и нормы, а также прогнозировать динамику развития юридических технологий и правовой жизни. Юридическая доктрина, являясь продуктом научной деятельности, в свою очередь должна способствовать углублению и расширению масштабов научных исследований в области права.

В немецкой юридической науке персонализация права не является отдельной доктриной, но пронизывает многие направления: от конституционного права и философии права до цифрового права и криминологии. Ключевыми ее идеями считаются следующие: право должно защищать достоинство и автономию личности; конкретный человек важнее абстрактной нормы; персонализация требует этических ограничений, чтобы не нарушить принцип равенства.

В части разграничения исследуемых понятий И. С. Зеленкевич отмечает «более высокий авторитет доктрины по сравнению с научными работами и концепциями» [7. – С. 45], поскольку понятие «доктрина» по отношению к понятию «наука» является более узким по объему. В дополнение к предыдущему суждению И. Б. Григорьев отмечает, что «доктринальными следует считать только те научные взгляды, которые пользуются авторитетом среди юристов и в обществе, являются общепринятыми и применяются на

практике в правотворчестве и правореализации» [4. – С. 69].

Различие между понятиями «теория» и «доктрина» в юриспруденции отмечает О. А. Латынин: понятие «теория» имеет более четкое определение и единообразное понимание, в то время как «доктрина» – понятие более широкое и многогранное, встречающееся даже в официальных юридических документах [12. – С. 19]. Если теория стремится объяснить существующее право, то доктрина указывает на то, каким право должно быть, предлагая идеальные модели и пути его развития. По словам Л. В. Голоскокова, доктрина, будучи глубоко разработанной и авторитетной научной теорией, отражает общепринятые взгляды юридического сообщества. Благодаря своей значимости и глубине она находит применение в обществе и оказывает влияние на процесс создания законов [4. – С. 320]. Теоретические разработки в сфере персонализации права означают, что правовые нормы применяются с учетом индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей конкретного человека или группы лиц. Это может проявляться в гибкости законодательства, учитывающего уникальность ситуации; в индивидуальных договоренностях при заключении договоров; в альтернативных способах разрешения споров, наиболее подходящих для конкретных сторон; правовой помощи, адаптированной к клиенту, и т. п.

Термины «доктрина» и «концепция» часто используются как синонимы, однако между ними также существует разница. В отличие от доктрины, концепция – понятие более широкое и охватывает не только теоретические положения, но и практические шаги по их внедрению. Однако в силу своей широты концепции могут быть нежизнеспособными и, как следствие, не всегда реализуемыми. Разные концепции могут противоречить друг другу в отношении одного и того же вопроса, а их практическое применение может оказаться затруднительным или невозможным. В частности, персонализированное право в качестве концепции может быть предметом теоретических исследований, объясняющих следующее: как правовые нормы отражают и формируют человеческую личность; каким образом индивидуальные моральные принципы и этика влияют на понимание и применение права; как обеспечивается равенство сторон при осуществлении справедливого правосудия с учетом индивидуальных различий. Вместе с тем концепцию можно считать составной частью

юридической доктрины. Применительно к нашему исследованию персонализированное право рассматривается как концепция, которая подразумевает адаптацию правовых норм и нормотворческих процессов к индивидуальным потребностям и обстоятельствам конкретных людей или групп.

В научной литературе попытки классифицировать правовую доктрину предпринимали Д. Ю. Любитенко, А. А. Васильев, Е. О. Мадаев [14. – С. 25–26; 2. – С. 8; 15. – С. 76–78]. Правовые доктрины, охватывающие идеи, определения, мнения, основы и модели, могут существовать в двух вариантах: в виде индивидуальных разработок, ассоциирующихся с конкретным влиятельным юристом или узким кругом специалистов, и в виде коллективных построений, приписываемых признанной в юридической среде школе мысли.

Коллективная форма правовой доктрины основывается не на персональном авторитете выдающегося ученого-правоведа, а на общем мнении значительной части юридической общественности или конкретной юридической структуры, что придает ей институциональную устойчивость. Л. И. Петражицкий [21. – С. 463–466], рассматривая правовую науку дореволюционной России, различал «право научных представлений» (коллективные правовые доктрины) и «право учений отдельных юристов и их объединений» (индивидуальные правовые доктрины), относя их к различным типам позитивного права. Изначальный характер и органичность индивидуальных правовых доктрин определяют их историческое возникновение раньше, чем обезличенных коллективных концепций.

Российские доктрины, как правило, не содержат предписаний, требующих немедленного исполнения со стороны государства, граждан и организаций. Скорее, они представляют собой декларации о намерениях, стратегических планах, ключевых принципах и приоритетных направлениях деятельности в конкретных сферах, а также предложения по совершенствованию соответствующего законодательства. Иными словами, как верно заметил В. М. Капицын, доктрина не столько предписывает что-то конкретное, сколько создает условия для разработки, применения и понимания уже существующих законов. Она, скорее, задает общий вектор развития, чем непосредственно регулирует чьи-либо действия [11. – С. 107].

Роль юридической доктрины в законотворческой деятельности, направленной на оптимизацию действующего законодательства, восполнение правовых пробелов и модификацию сфер право-

вого регулирования общественных отношений, признавалась существенной еще О. Е. Мадаевым [15. – С. 27]. Отставание формирования научных доктрин (теоретических основ и взглядов) от оперативного принятия законов в Российской Федерации является причиной недостаточной последовательности и досадных дефектов в законодательстве. Вследствие этого само «текущее» законодательство порождает необходимость в разработке доктрин его практического применения.

Будучи практически направленной, доктрина может иметь узкий характер, а в основе своей – тот или иной тип научного правопонимания. Доктрина российского права в своем узком толковании представляет собой взгляд компетентных органов на то, как правовые принципы, закрепленные в формально определенных и официально признанных положениях, связаны между собой и подчинены друг другу. Показательным примером являются правовые позиции, выраженные Конституционным Судом Российской Федерации в его постановлениях и определениях [28. – С. 60–64].

Для осмысления взаимосвязи доктрины и принципов права представляется целесообразным акцентировать внимание на их концептуальной близости. Доктрина функционирует как поле, в котором реализуется диалектическое единство правовых принципов и норм, формирующих онтологическую основу права. Принципы права в их общем виде, а также принципы законодательства и его отдельных отраслей могут демонстрировать существенные различия, вплоть до несопоставимости. К примеру, персонализация права предполагает систему других принципов: индивидуальный подход, технологичность, контекстуальность, соразмерность и пропорциональность, превентивность, необходимость баланса. В этом смысле принципы права могут быть интерпретированы как «неписаное право», лишенное прямой юридической санкции за нарушение, обозначены как «мягкое право», «субправо» или «дух закона». Таким образом, основное различие заключается в том, что персонализированное право стремится учитывать уникальные обстоятельства каждого человека, тогда как традиционное право основывается на универсальных принципах и правилах. Тем не менее именно принципы детерминируют логику конституирования всей правовой системы.

По мнению А. А. Зозули, регулятивный потенциал доктрины в контексте персонализированного права может быть реализован в двух ключевых аспектах юридической деятельности. Во-первых,

это связано с внедрением в законодательство декларативных норм и принципов, имеющих доктринальное происхождение. Во-вторых, это проявляется в правоприменительной практике, когда решаются юридические коллизии, устраняются пробелы в законодательстве и используются дискреционные полномочия судов [8. – С. 57–58]. В этом контексте правовая доктрина, анализирующая правовую действительность, может рассматриваться как особый источник права.

Ввиду невозможности законодателя предусмотреть все аспекты на все времена, в рамках данной проблемы целесообразно обратиться к феномену правового обычая. Он сформировался в результате естественного развития общества. При этом, как справедливо указывают А. Э. Черников и А. В. Слинько, не каждый социальный обычай способен трансформироваться в правовой в ходе своей эволюции [29. – С. 469–491].

Правовые обычаи, будучи изначальной формой права, относятся к его нетрадиционным источникам. Они возникли на заре правовой системы, когда понятия обычая, традиции, морали и привычки были тесно переплетены и не имели четких границ. Доктрина, как и обычай, формируется вне рамок формализованного законодательного процесса. Первоначальное воплощение актуальных и необходимых правовых идей для современного этапа часто происходит в виде доктринальных разработок в научных статьях и трудах авторитетных ученых-правоведов и юристов-практиков. Юридическая ценность обыкновений заключается в их способности, даже при отсутствии санкций за нарушение, служить оправданием определенных действий в контексте юридических споров.

Итак, рассматриваемый подход представляет собой специфический вид конституционного договора, который опирается на общее понимание необходимости и логической оправданности выбранного способа действий. Решающим фактором для превращения обычая в юридическую норму является его польза для государства. Признание обычая правовым и его использование для регулирования общественных отношений во многом определяется взглядами и принципами, принятыми в конкретной стране. Еще в начале XX в. И. В. Михайловский в своих знаменитых «Очерках по философии права» писал: «Чтобы применить обычай в качестве правовой нормы, суд должен убедиться в следующем: а) обычай должен быть устоявшимся и применяться постоянно; б) его со-

блюдение должно быть обязательным для всех; в) обычай не должен противоречить действующему законодательству; г) обычай должен быть разумным и соответствовать моральным нормам [17. – С. 278].

Важно подчеркнуть, что обычаи как элемент юридической доктрины не используются для регулирования определенных публично-правовых сфер, таких как уголовное право. В то же время проекты резонансных нормативных актов, затрагивающих ключевые общественные отношения и сферы жизни, которые разрабатываются в условиях дискуссий и разногласий, также представляют интерес для юридической науки как часть доктрины. Примером такого акта является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», принятие которого сопровождалось значительными спорами. Для урегулирования этих разногласий в России в 2010 г. впервые была внедрена практика публичного обсуждения законопроектов в интернете.

Фундаментальной правовой концепцией современности является доктрина, провозглашающая права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. По мнению В. В. Талянина и И. А. Тальяниной, это означает, что при разработке и принятии законов главным приоритетом является защита неотчуждаемых прав личности, а не интересы государства, его органов или должностных лиц [25. – С. 2]. Реализация доктрины прав и свобод человека и гражданина является ключевым направлением современной правовой практики. В этом случае при разработке и применении законов приоритет отдается защите неотъемлемых прав и свобод личности, что и демонстрирует особенность предназначения персонализированного права.

Таким образом, одним из перспективных направлений научного поиска должно стать доктринальное освоение [26. – С. 5–10] новых явлений и процессов, возникающих и протекающих в государственно-правовой сфере под воздействием цифровизации экономики, управления и права. Сегодня персонализация права не является фантастикой, она стала неизбежным этапом эволюции правовой системы в условиях технологического прогресса. Она может сделать право более справедливым, гибким и эффективным, но требует осторожного, взвешенного и этически обоснованного внедрения.

В современном мире, где социальные структуры становятся все более сложными, а индивиду-

альные потребности разнообразнее, доктринальные исследования концепции персонализации права приобретут еще большее значение. Можно выделить несколько направлений ее дальнейшего развития: взаимосвязь цифровизации и «умного» права, акцент на реабилитацию и ресоциализацию, правовое просвещение и доступность, учет культурных и социальных особенностей.

Более того в будущем персонализация права, вероятно, будет развиваться по-разному и из разных источников (публичных или частных), становясь широко распространенным явлением задолго

до того, как законодатели предпримут какие-либо действия. Важно понять истинное предназначение персонализации права, заключающееся в стремлении юридической науки и практики к более справедливому и эффективному правоприменению в условиях развития современных технологий. Главная задача будущего – не создать «идеально персонализированное право», а обеспечить условия для того, чтобы оно оставалось правом предсказуемым, равным, справедливым и защищающим человеческое достоинство.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983.
2. *Васильев А. А.* Правовая доктрина как источник права (историко-теоретические вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2007.
3. *Голоскоков Л. В.* Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. – М. : Научный мир, 2003.
4. *Григорьев И. Б.* Правовая доктрина Российской Федерации и категория «национальная безопасность» // *Право и государство: теория и практика*. – 2011. – № 12. – С. 69–76.
5. *Демидов А. И.* Принципы юридической доктрины России // *Российская юридическая доктрина в XXI в.: проблемы и пути их решения*. – Саратов, 2001. – 318 с.
6. *Еленек Г.* Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А. А. Рождественского. – Вып. 1. – СПб. ; М. : Освобождение, 1913.
7. *Зеленкевич И. С.* Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права // *Северо-Восточный научный журнал*. – 2010. – № 2. – С. 42 – 47.
8. *Зозуля А. А.* Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
9. *Кабанов В. С.* Политико-правовые взгляды Карла Маркса // *Новый юридический вестник*. – 2025. – № 4 (46). – С.17–18.
10. *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // *Кант И. Собрание сочинений в восьми томах*. – Т. 4. – М. : Издательство «Чоро», 1994.
11. *Капицын В. М.* Доктрина, интерпретационный процесс и конституционное право // *Конституция и доктрины России современным взглядом (серия «Материалы Всероссийской научной конференции»)*, Москва, 17 марта 2009 г. – М. : Научный эксперт, 2009. – С. 103–117.
12. *Латынин О. А.* Доктрина и теория: сходство и различия в сфере юриспруденции // *История государства и права*. – 2019. – № 3. – С. 14–20.
13. *Латынин О. А.* К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношении правовой доктрины с близкими понятиями // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 44–49.
14. *Любименко Д. Ю.* К вопросу о содержании понятия «правовая доктрина» // *Законность и правопорядок в современном обществе*. – 2010. – № 1. – С. 265–270.
15. *Мадаев Е. О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012.
16. *Меняева М. П.* Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо // *Социум и власть*. – 2015. – № 1 (51). – С. 115–120.
17. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. – Т. 1. – Томск, 1914.
18. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000.
19. *Платон*. Законы // *Платон. Сочинения* : в 3 т. – Т. 3, ч. 2. – М., 1972.
20. *Платон*. Государство // *Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля*. М. : АСТ, 2003.

21. Полянский Д. А. Пузиков Р. В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (127). – С.328–337.
22. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 5 (159). – С. 90–95.
23. Руссо Ж. Рассуждения о начале и основаниях неравенства. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1782.
24. Руссо Ж. Трактаты. – М., 1969.
25. Талянин В. В., Талянина И. А. Особенности правовой системы современной России // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 2–3.
26. Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 5–10.
27. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 34–38.
28. Хальметов А. И. Конституция России: альтернативные проекты и современное развитие // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 3 (97). – С. 60–64.
29. Черноков А. Э., Слинко А. В. Правовой обычай и судебный прецедент в правовой системе России (социально-антропологическое измерение гражданского права) // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя. 2025. – С.469–491.